

СРЕДИ КНИГ

**ИЗДАНО
В СССР**

РОМАН МЭРИ ШЕЛЛИ

Мэри Шелли. Франкенштейн, или Современный Прометей. Перевод с английского З. Александровой. Предисловие А. Елистратовой. Москва, «Художественная литература», 1965. 246 стр.

Это было на редкость неудачное лето. День изо дня шли дожди, и компания молодых англичан, обосновавшаяся на берегах Женевского озера, коротала время, рассказывая друг другу страшные истории. Двое из них — Байрон и Шелли — были уже прославленными поэтами. Жене Шелли — восемнадцатилетней Мэри — предстояло скоро прославиться благо-

даря «страшной истории», ею придуманной. Это была история о молодом ученом, создавшем и оживившем некое человекоподобное существо и слишком поздно понявшем, какие беды может оно навлечь на людей, — произведение «удивительное... для девочки девятнадцати лет», как сказал Байрон. («Нет, тогда ей не было еще и девятнадцати», — тут же добавляет он.) Во «Франкенштейне» был литературный блеск и философская глубина. Он сделался для последующих поколений почти таким же обязательным чтением, как «Робинзон Крузо» и «Путешествия Гулливера».

Роман Мэри Шелли дошел до нас не слишком быстро. С момента публикации его в Англии минуло почти полтора столетия, но сегодня только отчетливее понимаешь, какая это превосходная книга. В 1818 году о ней можно было сказать, что появилась она очень вовремя. Она выразила языком романтизма многие из философских проблем, волновавших людей в начале прошлого века. Сейчас, на русском языке, «Франкенштейн» появился тоже удивительно вовремя. Он имеет самое прямое отношение к проблемам, которые мы, люди шестидесятых годов XX века, обсуждаем как очень важные. Эти проблемы возникали всякий раз, когда человек задумывался о том, удастся ли ему справиться с силами, которые сам же он, с помощью своего ума вызвал к жизни.

Когда-то был голем.

«Эти големы представляют собой глиняные фигурки, воспроизводящие какого-нибудь определенного человека; над ними произносятся таинственные и чудотворные заклинания, а на лбу у них пишется слово «эмэт», что значит истина, после чего они оживают и могли бы быть использованы для разных дел, если бы они не вырастали с такой быстротой, что скоро начинают превосходить силой своих создателей. Но откуда можно достать до их лба, их ничего

не стоит умертвить: нужно только стереть со лба первое «э», тогда останется лишь «мэт», что значит мертвец, и големы мгновенно распадаются, как сухая глина». Этими сведениями о големе снабдил нас немецкий романтик Иоахим фон Арним в повести «Изабелла Египетская».

Потом появился робот.

Он обладает возможностью свободного выбора даже в тех случаях, когда он — всего лишь прикрепленный к полу космического корабля железный ящик у Лема и Фиалковского или одушевленная моторная лодка у Шекли. Он может явиться и в облики человека, быть даже точным его повторением. У Клиффорда Саймака мы встретимся с изготовленным в специальной лаборатории точным двойником мистера Хендерсона Джеймса. В романе Лема «Солярис» мыслящий океан производит двойников людей, образы которых хранятся в памяти сотрудников научной станции.

Все они в чем-то сильнее людей. Все они в какой-то момент начинают представлять опасность. Каждого из них приходится, чтобы освободиться от него, уничтожить.

Когда-то эту задачу взял на себя Франкенштейн. Его монстр вышел из-под власти творца, начал творить вокруг себя зло, и надо было его погубить. Франкенштейну это не удалось. Он погиб сам, преследуя демона, и гибель его была справедливым ему воздаянием. Не за то, что он сотворил своего монстра, а за то, что он сразу же предоставил его самому себе.

Правда, удивительное произведение для «девочки девятнадцати лет». Богоборчество Байрона и Шелли и их интерес к естественно-научным концепциям редко когда перекрещивались друг с другом и, пожалуй, только в «Каине» Байрона по-настоящему соприкоснулись. Мэри Шелли, по существу, сделала то, что сделал лишь восемьдесят лет спустя Герберт Уэллс в научно-фантастическом романе «Остров доктора Моро» — романе, названном им «теологическим гротеском». Там рассказывалось о людях, сотворенных доктором Моро, брошенных им на произвол судьбы и в какой-то момент растерзавших своего творца.

Говоря о теологии, уже Байрон и Шелли говорили о законах мироздания. Говоря о творце, мы все больше говорим о человеке, вернее сказать, об «отвлеченном человеке», об абсолютизированной его творческой способности. Она все больше обнаруживает свою силу, она породила такого страшного монстра, как ядерное оружие, о ней все больше разгорается спор.

Впервые эти споры разгорелись в романе Мэри Шелли. Франкенштейн проклял себя за то, что сотворил свое чудовище. Он умирает с сознанием страшной ошибки, им совершенной. Его демон кажется ему воплощением коварства, злобы, жестокости. Да только таким и можно назвать его, если судить о нем по делам его. Но вот на борт корабля поднимается сам безымянный демон и плачет и рыдает над своим создателем, сумевшим его создать, но не сумевшим приобщить его к человечности.

Сущность отвлеченного знания и всех сил, которые оно порождает, парадоксальна. С одной стороны, оно подчинено собственным законам развития, ему нельзя в этом смысле ничего предписать. С другой стороны, использование его в дурных или добрых целях находится целиком во власти людей. Этот вопрос поставила впоследствии вся литература, склонная к философскому осмыслению объективных закономерностей XX века, научная фантастика в частности. Мэри Шелли написала такую книгу в начале прошлого века.

Поистине удивительная книга для человека, жившего сто пятьдесят лет назад. Прочтите ее. А также и превосходное предисловие А. А. Елистратовой, в котором вы найдете ответы на многие вопросы, не затронутые в этой краткой рецензии.

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

ЦЕЛЬНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов в переводе Мих. Зенкевича. Предисловие Н. Тихонова. Редактор выпуска П. Антокольский. Москва, «Прогресс», 1965. 160 стр.

С 1963 года выходят в издательстве «Прогресс» небольшие книжки в мягких обложках — интересно задуманная серия «Мастера поэтического перевода». Она уже познакомила нас с переводческой работой Д. Самойлова, Л. Мартынова. Книги их посвящены главным образом поэзии социалистических стран Европы. Третий выпуск серии — в нем представлены почти исключительно поэты стран английского языка — снова, и заново, открывает читателю давно усвоенную как будто бы истину: настоящий поэт-переводчик не может быть всеядным. Инстинктивно и безошибочно выбирает он из неубывающего океана мировой поэзии именно тех поэтов, именно такие стихи, которые сродни его собственному поэтическому миру. Правда, случается, что переводящий, если это натура сильная, основательно «подминает» своего переводимого собрата, стихи могут получиться превосходные, но это будет, скорее, оригинальное произведение на заимствованный сюжет. Однако настоящий мастер перевода, посвятивший жизнь этому опасному и порой не очень-то благодарному искусству, работает над хрупким, ускользающим «своим-чужим» материалом с бережной чуткостью ювелира, со строгим уважением к личности поэта. Если необходимо, он скромно отойдет в сторону, пожертвует эффектной техничностью, легкой находкой, лишь бы повернее передать дух и рисунок подлинника.

В сборнике переводов, выполненных поэтом Михаилом Зенкевичем (мы находим